

Квантитативная семантика сказочных характеристик времени

Вопрос о характере квантификации временной длительности в волшебной сказке тесно связан с особенностями композиционной структуры жанра. Исследователи повествовательного фольклора установили, что композиция сказки определяется соотношением в ней динамических элементов (то есть эпизодов, в рамках которых происходит развитие сюжетного действия) и статических элементов (эпизодов, выполняющих роль связки между динамическими элементами композиции и не участвующих в активном развитии сюжета сказки).¹

Каждому типу сюжетных элементов соответствует свой хронотоп. Статические элементы композиции локализованы в неопределенно-отдаленном времени и таком же пространстве. Н.М. Герасимова называет такое время относительным, так как именно здесь проявляется внешняя точка зрения рассказчика на повествование, соизмеряется время исполнения сказки и время действия героев. По Г.А. Золотовой, эти черты художественного времени сказки определяются на уровне грамматики действующим в этих эпизодах информативным регистром речи. Время, в котором локализуются динамические элементы сюжета, Н.М.Герасимова называет абсолютным событийным временем сказки. Используемый здесь репродуктивный речевой регистр (термин Г.А.Золотовой), особенностью которого является максимальное сближение сказочника и героя в переживании времени, определяет такие черты последнего, как дискретность, конечность, замкнутость в эпизоде.²

С разными типами сюжетных элементов сказки связаны различные тенденции квантификации времени: по наблюдениям исследователей, к статическим элементам приурочиваются временные характеристики большой длительности, а в эпизодах, где происходит развитие сказочного действия, как правило, вообще отсутствует временная определенность.³

Детальный анализ концептуализации временной протяженности акций и состояний, образующих статические элементы композиции сказки, позволяет дополнить и конкретизировать данное положение. С этой целью в настоящей статье рассматриваются содержание и особенности репрезентации трех концептов:

- ◆ «длительность финального состояния героев сказки»;
- ◆ «длительность пространственного перемещения героя»;
- ◆ «длительность промежутка между действиями».

Первый из указанных концептов противопоставлен последним по двум признакам:

- 1) номинации длительности финальной ситуации относятся к замыкающему статическому звену сказочной композиции; характеристики, вербализующие два последние концепта, квантифицируют длительность промежуточных звеньев между динамическими эпизодами;
 - 2) «длительность финального состояния героев» является составной частью концепта «вечное» время», то есть квантитативные значения его репрезентантов приближаются к бесконечности; концепты «длительность перемещения героя» и «длительность промежутка между действиями» входят в структуру концепта «конечное время», то есть репрезентирующие их характеристики обозначают временные отрезки, имеющие начальные и конечные точки отсчета.
- Рассмотрим более детально квантитативную семантику номинаций, вербализующих указанные концепты.

Концепт «длительность финального состояния героев»

Исследователи фольклора отмечают как одно из основных свойств художественного времени сказки его замкнутость в сюжете: «Сказка начинается как бы из небытия, из отсутствия времени и событий <...> Заканчивается сказка не менее подчеркнутой остановкой сказочного времени; сказка кончается констатацией наступившего «отсутствия» событий: благополучием, смертью, свадьбой, пиром. Заключительные формулы эту остановку фиксируют...»⁴

Таким образом, действие сказки возникает из вечной, вневременной статики и возвращается в нее же.

По нашим наблюдениям, инициальные формулы сказки не содержат указания на временную длительность; концепт «вечность» реализуется прежде всего в финальных сказочных формулах. Достигнутое благополучие длится до конца жизни героев, то есть оно все-таки предположительно имеет границы во времени, но эти границы в тексте не определяются, и поэтому финальное состояние героев мыслится вечным. Квантитативные обозначения выражают семантику неограниченной длительности («долго», «Долгие лета», «много лет»):

*А дурак сделался королем и царствовал долго и милостиво (№216).*⁵

После того царь и царица с царевичами и царевною жили долго и счастливо (№289).

Иван-царевич вошел в дом Кощея, взял Василису Премудрую и воротился домой. После того они жили вместе долго и счастливо (№269).

Царь узнал про все, обрадовался, и остался у них навсегда жить, и супругу свою из часовни взял, и жили они все вместе много лет во всяком счастье (№288).

...он <стрелец> женился на Василисе царевне и жил с нею долгие лета в любви и согласии (№169).

Анализ контекста временных номинаций выявил следующую особенность концептуализации длительности этого рода: временные обозначения обнаруживают во всех примерах обязательное сочетание со словами с семантикой положительной оценки («счастливо», «во всяком счастье», «в любви и согласии») – квантитативные характеристики времени в данном случае обозначают длительность ситуации, соответствующей представлениям об идеальном жизнеустройстве. Их семантику можно охарактеризовать как квантитативный максимум, что соответствует сказочным задачам – финал сказки фиксирует «вечное» благополучие героев.

Концепт «длительность пространственного перемещения героя»

По выражению В.Я. Проппа, «композиция сказки строится на пространственном перемещении героя». ⁶ Перемещение происходит из центра, «своего» мира, в «иной» мир и обратно. Это композиционный стержень сказки, условие выполнения сказочного задания, так как цель героя – освоить «чужое» пространство, перевести его в статус «своего». ⁷

Несмотря на высокую значимость движения в волшебной сказке, данный процесс не сопровождается действиями, развивающими сказочный сюжет. Об этой парадоксальности писал В.Я. Пропп: «С одной стороны, пространство в волшебной сказке – необходимый композиционный элемент <...> С другой стороны, его как бы нет, так как развитие действия идет только по остановкам, которые детально разработаны». ⁸ Таким образом, несмотря на то, что во время движения герой динамичен относительно пространства, с точки зрения композиционной структуры сказки, данные эпизоды относятся к статическим элементам, так как в них не происходит развития сюжета.

Временная длительность пространственного перемещения героя исчисляется от точки начала движения до момента начала динамического эпизода сказки. Квантитативные характеристики времени, репрезентирующие концепт, соотносятся со значением большой длительности, не имеющей конкретной определенности. Выявляются следующие способы вербализации указанного концептуального содержания.

1) Наречия и прилагательные с временной семантикой неопределенно-большой длительности:

Долго-долго шел царь с воинством, много-много земель за собой оставил, вот уж и неприятель близко... (№259).

Долго-долго они ехали, смотрят – два пастуха стадо пасут (№158).

Ехал он долгое-долгое время; приехал к какой-то горе... (№289).

Едучи с своими людьми долгое время, заехали они в дикую степь... (№559).

- 2) Номинации временных единиц в сочетании с числительными, за которыми в фольклорной традиции закреплена функция выражения обобщенного значения большого количества («три», «десять», «тридцать»):

Шел он <Мартышка> дорогою, а больше стороною три месяца и пришел к иному королевству... (№193).

И шел он ровно десять суток и пришел в некое государство (№571).

...шел <Иванушка> десять дней и десять ночей и пришел к некоему государству (№196). ...ехал он <Иван> ровно тридцать дней и тридцать ночей, и приехал в китайское государство... (№571).

- 3) Формулы, выражающие значение неопределенной длительности («ни много ни мало (времени)», «много ли мало ли», «долго ли коротко ли»):

Много ли, мало ли шел <солдат> – пробрался в иное государство... (№273).

Много ли, мало ли ехал меньшей брат – попадаетея ему канава глубокая (№172).

...шла она много ли, мало ли времени и пришла в лес (№288).

...долго ли, коротко ли – приезжает он <стрелец> на край света, где красное солнышко из синя моря восходит (№169).

Долго ли, коротко ли они этак плавали, наконец подплыли к берегу... (№251).

Долго ли, коротко ли - приезжает в сказанное королевство (№270).

- 4) В сказке отмечается весьма архаичный способ репрезентации временной длительности перемещения героя – с помощью формул преодоления времени деятельностью, то есть предметно-чувственное его измерение, что связано с конкретно-чувственными представлениями о времени, конституированном событиями и производном от них.

...уж железные башмаки истаптываются, железный колпак изнашивается, костыль ломается, просвира изглодана, а красная девица все идет да идет, а лес все чернее, все чаще. Вдруг видит: стоит перед ней чужунная избушка на курьих ножках. <...> Уж

другие башмаки испатываются, другой колпак изнашивается, железный костыль ломается и железная просвира изгрызена – и вот стоит перед девицей чугунная избушка на курьих ножках. <...> Уж третьи башмаки испатываются, третий колпак изнашивается, последний костыль ломается, и последняя просвира изглодана. Стоит чугунная избушка на курьих ножках... (№235).

Необходимо выяснить причины квантификации времени пространственного перемещения героя как большой длительности. Представляется, что количественные значения временных характеристик в данном случае обусловлены семиотическим фактором – реализацией посредством их основной сказочной оппозиции «свой / чужой». Выше отмечалось, что путь сказочного героя представляет собой медиацию между «своим» и «иным» мирами, которые мыслятся противопоставленными друг другу, в то числе пространственно. Преодоление большой дистанции требует больших затрат времени, и это обусловило наличие только одного полюса больших величин среди репрезентантов концепта «длительность пути». Следует подчеркнуть, что временная длительность в данном случае лишена точной количественной определенности, что соответствует общефольклорным тенденциям квантификации.

Концепт «длительность промежутка между действиями»

Анализ показал, что роль связующих элементов между динамическими эпизодами зачастую выполняют количественные характеристики временной протяженности, не относящиеся к каким-либо актам. Такие номинации временной длительности лишь фиксируют наличие отрезка времени между динамическими звеньями сказочной композиции, указывая на их разновременность.

В ходе анализа выяснилось, что к обозначениям временных промежутков между действиями в большинстве случаев неприменима количественная оценка по шкале «много / мало». Семантика количественно-временной неопределенности получает следующее лексическое выражение.

1) Неопределенные местоимения в сочетании с номинациями времени:

...бывало, придет <Дмитрий-царевич> к ее кроватке и начнет припевать: «Баю-баюшки, сестрица! Баю-баюшки, родная! Вырастешь большая, отдам тебя замуж за Ивана-царевича». Она закроет глазки и заснет. Прошло несколько лет, собрался Дмитрий-царевич и поехал в гости к Ивану-царевичу... (№264).

Тотчас они свадьбу сыграли и стали вместе жить, ни о чем не тужить.

Через сколько-то времени вздумал солдат об своей родной стороне, захотел туда побывать... (№272).

- 2) Расширенный ряд числительных в сочетании с номинациями временных единиц:

...братья взяли у него <Василия> из кармана два пузырька, а его стихнули в помойную яму. Прошло два-три часа, Василий-царевич проснулся... (№177).

Как уехал сын, так через два ли, три ли месяца жена его родила... (№279).

- 3) Постпозиция числительного в сочетании с существительным:

Прошло дня три; проснувшись поутру, смотрит казак в окно – у крыльца стоит его добрый конь оседланный (№270).

Повар так и сделал, угостил Асона собачиной, а мальчика до поры до времени у себя спрятал.

Месяца через два, через три приснился тамошнему королю такой сон... (№241).

- 4) Употребление предлога «с» с номинациями времени:

Прощалась красная девица с парнем и дает ему ширинку узорчатую. <...> Протекло с год времени; сказал он про ту ширинку своему товарищу, а тот и украл ее. С этой самой поры начал парень тосковать да с горя запоем пить... (№228).

Характеристики временной длительности, репрезентирующие промежуток времени между динамическими элементами сюжета, выполняют композиционную роль: обозначают разновременность осуществления действий в сказке. Точное знание длительности данных временных отрезков неактуально для решения художественных задач сказки, поэтому оно не находит выражения в семантической системе сказочного текста.

Итак, содержание трех рассмотренных концептов составляют результаты осмысления длительности в статических элементах композиции сказки. Дистанцированность сказочника от описываемых событий, обусловленная действующим в данных эпизодах информативным коммуникативным регистром речи, стала причиной того, что длительность этих событий часто подвергается квантификации и оценивается как большая (в отличие от событий, описанных в репродуктивном регистре, где повествователь максимально приближен к изображаемому и передает в тексте результаты сенсорного, а не ментального восприятия). Это положение можно расценить как общую тенденцию квантификации длительности в сказке.

Более подробный анализ показал, что статические элементы композиции сказки составлены разного рода событиями и именно характер последних и их художественная функция детерминирует количественную семантику номинаций времени. Так, длительность финального благополучия героев определяется как максимальная, и это соответствует художественной задаче сказки. Временная протяженность перемещения героя оценивается как неопределенно-большая, что обусловлено представлением о значительной удаленности в пространстве «иног» мира, куда направляется герой. Когда роль статической связки между динамическими эпизодами выполняют номинации промежутка времени между действиями, их количественная семантика нейтрализуется: отсутствует оценка длительности по шкале «много / мало», лишь фиксируется разновременность соседних динамических эпизодов.

Взаимосвязь всех указанных факторов обуславливает особенности квантификации длительности событий, составляющих статические элементы сказочной композиции.

-
- ¹ См. об этом: Неклюдов С.Ю. Статические и динамические начала в пространственно-временной организации повествовательного фольклора // Типологические исследования по фольклору. Сб. ст. памяти В.Я.Проппа. – М., 1975; Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д.М. Еще раз о проблеме структурного описания волшебной сказки // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1971. – Том 5. – Вып. 284.; Герасимова Н.М. Пространственно-временные формулы русской волшебной сказки // Русский фольклор. – Л., 1978. – Т.18: «Славянские литературы и фольклор».; Орехова Е.В. Типы пространственно-временных отношений в русской волшебной сказке // Атриум. – 1999. – №1.
- ² Герасимова Н.М. Пространственно-временные формулы русской волшебной сказки // Русский фольклор. – Л., 1978. – Т.18: «Славянские литературы и фольклор». – С.176–178; Золотова Г.А. Композиция и грамматика // Язык как творчество. – М., 1996.
- ³ Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д.М. Еще раз о проблеме структурного описания волшебной сказки // Труды по знаковым системам. – Тарту, 1971. – Том 5. – Вып.284.– С.82; Герасимова Н.М. Пространственно-временные формулы русской волшебной сказки // Русский фольклор. – Л., 1978. – Т.18: «Славянские литературы и фольклор». – С.176–178; Гацак В.М. Устная эпическая традиция во времени. Историческое исследование поэтики. – М., 1998. – С.18.
- ⁴ Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – Л., 1967. – С.232. См. также об этом: Пропп В.Я. Поэтика фольклора. – М., 1998. – С.152; Неклюдов С.Ю. Статические и динамические начала в пространственно-временной организации повествовательного фольклора // Типологические исследования по фольклору. Сб. ст. памяти В.Я.Проппа. – М., 1975. – С.183–184; Шайкин

- А.А. Художественное время сказки (на материале казахских и русских сказок) // Известия АН КазССР. Серия общественная. – 1973. – №1. С.40–56.
- ⁵ Материалом исследования послужило авторитетное собрание сказочного фольклора: Афанасьев А.Н. Народные русские сказки в 3-х тт. – 6-е изд. – М., 1957. В примерах номер сказки указывается по данному сборнику.
- ⁶ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л., 1946. – С.36.
- ⁷ См. об этом: Топоров В.Н. Пространство // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2 тт. – Изд. 2-ое. – М., 1994. – Т.2. – С.341; Цивьян Т.В. К семантике пространственных элементов в волшебной сказке // Типологические исследования по фольклору. Сб. ст. памяти В.Я.Проппа. – М., 1975; Цивьян Т.В. Движение и путь в балканской модели мира. Исследования по структуре текста. – М., 1999; Шуклин В.В. Мифы русского народа. – Екатеринбург, 1995.
- ⁸ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л., 1946. – С.36.